Анатолий "Джордж" Гуницкий.
Неизданные стихотворения.

ВНЕЗАПНАЯ ВСТРЕЧА 3
Внезапная встреча
Подобна падению метеорита
На крышу машины
По имени скорая помощь,
В которой приземистый врач
Забинтованной левой рукой
Наносит ответный удар
Недугу в желтом трико. Впрочем,
Не следует думать,что медики знают
Причину болезни. Тем более, что и больные,
Грызущие гематоген, глядят равнодушно
На бедра дежурных сестер. Рано утром,
Как только закончит свой завтрак
Сибирский павлин,
Даже поклонники реггей
Не верят паломникам ветра,
А четвертая слева стена
Опять наклоняется вниз. И, беспечно смеясь,
Не пускает свалиться под гору
Любовную пару. Не хочет, наверно, она
Слушать их страстные вопли, напоминающие
О призрачном солнце Прибалтики,
Одетом в японский пиджак.

SO LONG, КАТАРИНА, SO LONG
Мимо Тургенева
Мимо Толстого
И мимо других отчужденных великих
Летит деревянный корабль

У него так давно
Лет пятнадцать, а может и дольше
Нет ни мачты
Ни зеркала пирамидального

А он
Все равно продолжает лететь
В сторону Старого берега

Где согнувшись, смеясь и хромая
Танцуют стада
Кривозубых локальных акул

So long, Катарина,so long

ЛЕДИ, ГУРУ И БИЛЛ
Леди училась у гуру
А он ее не учил
Он смотрел сквозь ее фигуру
И стрелял из ружья. Как Билл.
Который в Чикаго свалил
Леди любила гуру
Но он ее не любил
Он кормил ее мертвой курой
И зачем-то Биллу звонил. Тому, что в Чикаго свалил
Кто ты, Леди?
Где ты, Гуру?
Где ты, Билл?
В профиль Билл был похож на медведя
В шесть утра Беломор курил Гуру бодро дремал на пледе
И в Чикаго порою звонил.
Там друган его жил. То бишь, Билл.
Леди вышла замуж за гуру
А у Билла - не было сил
Он цеплялся за ветку сакуры
Но его убил гамадрил
Билл совсем на Чикаго забил.
Кто ты, Леди?
Где ты, Гуру?
Где ты, Билл?

***
Еще даже не шесть
Всего четверть шестого;
Дождь прошел, город спит,
Птицы свили гнездо у окна.

Они рано поют.
Я их слышу, пока не проснулась
В моем доме - судьба.
Окно закрывая собой.

Будет пусто и скучно.
Реальность. Ужасное слово.
Я лежу, мне не встать,
Если б мог я все время лежать:

Дождь прошел, жизнь идет, город спит.

Но все тише, и тише, и тише
Поют птицы - соседи мои.За окном

Одинокие, слабые трели
Гаснут. В утреннем небе сверкая:
Зато громче песня машин.

Постепенно меняется музыка:
День - дирижер берет эстафету у утра,
Как в рапиде - медленны, плавны движенья его,

Без пятнадцати шесть.

Птицы вскрикнули.
Кода.
Тяжелый аккорд.Грузовик
Начинает прелюдию дня.

В ТЕМНОМ УГЛУ ОКТЯБРЯ
Что-то происходило. Катилось, бежало, крутилось
Начиналось - и тут же заканчивалось
Углублялось в трескучие ямы
Трехслойного и кривоглазого времени
Играющего в кастаньеты души

Загибаясь - при этом - с другого конца
Опускаясь с вершины низин
Поднимаясь в низины вершин
Рассыпаясь раздробленным центром
Смыкаясь над мягким огнем

Щеголяя дырявым плащом
Напоминавшим о влажном (и желтом) цветке
Разорванного Шантеклера
Который нашел я однажды
В темном углу октября.
7 окт. 2003

ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ВЕТРА
Восемь пятнадцать. Ветер решительно сбросил свое покрывало
Сшитое из позолоченной ткани вчерашнего дня,
Из Гогенцолерна ватник, поджаренный серым злодеем,
Ростом четырнадцать метров, а может, даже и ниже.
Ну а потом он широким, беспечным, безбашенным жестом
Скинул ботинки, похожие на молодой озорной самокат,
Шарф металлический, свитер, отлитый из шелковых гаек древесных
И пиджачишко бумажный, который украл в казино.
Было не жарко. Река утопала в зеленых добротных снежинках,
Лед превращался в кору забубенной и непроходимой ольхи,
Голуби тихо читали старинную книгу безумных ирландцев
И потихоньку клевали зернистый асфальт площадей
Ветер смеялся и пел. Нет, улетать втихомолку ему не хотелось
В сторону от межпланетных великих торговых путей.
Там, на сгоревшей горе, он не сможет увидеть другую изнанку плотины,
Построенной утром хмельным инженером из Турку
Что же делать? Куда разворачивать лодку? С кем дирижировать сном?

Эти вопросы он вновь задавал псалмопевцу в седой безрукавке,
Упавшему вверх головой посреди необъятной приморской долины,
Наполненной ватой, гвоздями и множеством прочих вещей.

ДО ПРОГУЛКИ

Что-то случится сегодня
В половине второго, в ночи
Загудят кривоногие сваи
Заскрипит твердолапый бетон
Затрепещет корявая лодка предместья
В котором никто и не жил никогда
А чуть позже, ближе к утренней случке
Красноглазого голубя солнца
И призрачной тени Луны
Закутанной в пестрые ткани
И висящей над бесконечным
Простором сонного города
Приговоренного к долгим секундам
Угрюмого солнцестояния
К закутанному шверботу
Плывущему к берегу соли
Рассыпанной сумрачным Герием
Назло сладострастным врагам
Которые напрочь не знают
Что сегодня, в семь двадцать пять
Ничерта опять не случится
А в зеленой лодке предместья
Распластанного под облаками
Закудахтает пьяный петух
Перепутавший вечер с восходом
Потерявший пропуск в долину
Где живет уроженка Парижа
Шаловливо поющая мантры
Сочиненные богом любви
В половине второго утра
Когда он, опрометчиво юный
Покорил своей каменной лапой
Восемнадцать туристок фламандских

Приехавших позавчера
В район седых новостроек
Торговать абрикосовым мылом
Украденным ими из бочки
Забытой на старой дороге
Растерянным сыном огня
Горящего на вернисажах
Пяти цветных галерей. Говорят
Туда нужно срочно зачем-то сходить!

МИРОВОРОТ
Весна. Исход. И головокруженье,
И уползанье вверх, и раздвиженье,
Вокруг - зеркал сердитое свеченье,
И лязганье домов, и постиженье.
Мироворот опаснее воды
Беги сюда, да не оставь следы!
А то опять начнется восхожденье,
Седого дьявола тупое раздраженье,
Уничтоженье утра. И сверженье,
И тут уж неизбежно пораженье:
Мироворот, дыхание слюды,
Какие непонятные ходы!

ПРИНЦЕССА ЗАРЯ
Почувствовав ритм в долине Юноны
Медведь чернобурый бурый снимает корону
И вновь сочным басом поет. В Боготе
Пружинистый доктор поставил "Два Клена"
Актрисы кончают нон-стоп. Треть Вероны
Опять коротает свой век в нищете.

Наверное, мелкотоварную реку,
Продаст в полцены бизнесмен Исламбеков,
Который не любит шатер ноября.
Он рвется домой. В гости к древнему греку,
В салон Афродиты. Где красною декой
Сверкает над миром принцесса Заря.

I MISS YOU, ГЭРИО

I miss you, Гэрио. Беспечный городок,
Построенный доцентом из Сиднея,
Его глаза весной позеленеют,
А ноги почернеют. Вновь курок

Скрипит и щелкает в бездонной почивальне
Вдали от заржавевших облаков
Сырой любви. Семнадцать игроков
Промокли в Гэрио. Как их судьба печальна!

***

Душа не ведает судьбы.
Гермес не видит голытьбы
И строгих подчериц Шанхая
И глаз любви, и чашку с чаем

Он избегает долгих слов
Не верит в сумрачных коров
Которые как черт в окне
Зевают в сонном полусне

В истерзанном закате дня
Воздушный конь летит. Звеня
Навстречу странной колеснице

Пора, мой друг, закрыть страницу
И позабыть нон-стоп трубы

Душа не ведает судьбы!

ПРОИШЕСТВИЕ В ВОРКУТЕ

Город был взбудоражен
Приближением Черной Осы
Прохожие громко пели
Осанну старому Богу

Расширенное сознание
Сужалось с каждой секундой
Пролетали как птицы века
Над корридой автовокзала

Отголоски нового гимна
Доносились из глубины
Заброшенной частокольни
Где сражались солист и тапер

Пепел совести сгинул в алмазе
Безнадежно утраченной осени
Перламутровый официант
Уронил поднос с барокамерой

Виртуозные головоноги
Вбежали в пещеру лугов
Взбудораженный город скулил
Ему нечего было сказать

Сексапильной леди брюнетке
Подарившей свои жемчуга
Семье тридцать пятого стула
Во имя утраченной вольности.
Тут, припев, пожалуй не нужен:

Небоскреб дымит в темноте,
Кто-то ищет долю похуже
И счастливо ныряет в лужу . Беспредельна жизнь в Воркуте:

ДЖИХАД ЛЮБВИ
Джихад Любви. Левифиан в аптеке.
Горит зеленый зонт. Лавиной комаров
Разрушен новый дом. В стихийном саундчеке
Узбек из Ольстера ногами месит плов

Так продолжается пятнадцатые сутки.
Подряд. Нон-стоп. В глазах у мертвяка

Слились в анклав сухие промежутки
Между Монголией и стуком каблука

Похоже, нам не стоит ждать прощенья
Суровый век бьет картой козырной
Но я смотрю в окно без отвращенья
И вижу как над картою штабной
Резвятся голуби. А в шахте номерной
Испанская принцесса ест печенье.

ДОЛИНА СНЕГОВ И ИСЛАНДСКИЕ ГОРЫ
Конечно, бесспорно, случайно, едва ли
Я не был ни разу в исландских горах
Возможно, там ночью кричат баобабы
И лезвием бритвы полны кружева

И в полушизоидной пляске шакалов
Сливаются вальс и седой полонез
И голуби мира спешат к миноносцу
Стремясь одарить его свежей икрой

Давайте подумаем вместе о роли
Которую завтра мы будем играть
И в свежезачеркнутых строчках поэмы
Отыщем по новой осколок руды

И в стремной графине по имени Нора
Увидим осколок вчерашней зари
Похожей в потемках на левое ухо
В которое громко скулит козодой

Он хочет поведать семье эскулапов
Историю старого календаря
Но тихо в лесу. И никто не посмеет
Срубить топором почерневший утес

Нависший частично над морем Сиама
Где тонут акулы одна за одной

Едва ли, случайно, наверно, конечно
Ни разу я не был в долине Снегов.

СЕДЬМОГО ИЮНЯ, В СРЕДУ
Седьмого июня, в среду
Закончилась эра воды
Теперь длинноногие совы
Включают рубильник зари

Угрюмые эгоцефалы
Сколачивают паркет
Веселые крокодайлы
За пивом бегут поутру

Восторженная комета
Упала в молочный пруд
Инспектор приехал к бизону
И взял у него интервью

На радиостанции - голод
Редактор динамик грызет
Он забыл свое имя в эфире
Но это совсем нестрашно

Ведь седьмого июня, в среду
Закончилась эра воды.

ЗАБЫВЧИВЫЙ СТОРОЖ М.
Забывчивый сторож М.
Совсем уже сбился со счета
Ему недосуг умирать
Но и жизнь ему не в кайф

Он ухает, будто выпь
Смотрит в лампу и ждет любви,
Огненной королевы
Однажды случайно задевшей

Его безумную плоть.
Превращаются птицы в гнезда
Превращаются гнезда в птиц,
Происходит все,что угодно

Там, где старые кочегары
С русалками пьют дочерна,
И, целуя руки у смерти
Догоняются черной водой

И, влюбляясь в радужных женщин,
Проносятся мимо портье
Ползущего вдоль порога
Разрушенного отеля

Сторож плачет у двух берез
Он опять не заметил поезд
На котором уехала в полночь
Огненная королева.

БРЮССЕЛЬ
Преамбула.
Сомнамбула ночи.
Вокабула. Ампула.
Изжелта-черная дверь
На расхристанном горле совы.
Подаренный.
Кем-то поджаренный.
Подогнутый.
Гудрон. Гудзон. Ганг. Дон.
Наполненный шиком и шумным дыханьем
Витраж повседневности.
Мираж. Извечный кураж
То там, за углом номер пять?
Дырявые улицы? Море? Турбины?
Семнадцатикратное нечто?
Чао. Сорри, бамбино.
Трубы погасли, увы:

За ними не тянутся больше бокалы
С воздухом. На мраморе ветхом гниющие.
Верткие. Мертвые. Злые.
Чужие.

УТРО
Грохнуло банкой. Во тьме, на рассвете
Раздался
Заупокойный клич воробья.
Гордо промчался кабан
Урча "Песнь Песней"
Старой, с кем попало трахающейся свинье.
Упало разбитое дерево в сером камзоле,
Завыло седое контральто окраин,
Заухало жирное море У-Блю.
Троллейбус отбросил остатки стыда
И стал просто блюзом.
Стена.

ВЕРЛИБР БЕЗ НАЧАЛА
Хотелось, ужасно хотелось
Позавтракать мылом, а после
Отведать самую малость моркови,
А потом, в окружении разнообразных зверей,
Закатиться к друзьям, в бактериальный ларек,
Что стоит на углу
Между тем и другим.
А потом, запрокинув кадык к восходящей Венере,
Щедро втягивать в глотку
Эмбрионы чумы.
Далее, пить без антракта, настойку холеры,
Заедая ее драже "бруцеллез" и еще чем-нибудь,
Неприхотливо съедобным:
Жизнь, жизнь! Что ж стоишь ты в унылой,
Безропотной позе и тоскливо смотришь вокруг?
Лучше уж съешь первоклассной
Сибирской язвы!
Из Канады ее привезли

На пароме "Абдоминайзер и К";
Производят гвинейцы продукт деловито,
Домовито стучат молотками в лобные кости
Друг другу,
Все они в тапочках, вытканных серой фланелью,
В зимних костюмах трико,
В бармадонских рубашках,
В пальто из куриных ног, в свитерах из огня,
В дырявых зеленых перчатках:
Они в стены вбивают сваи, а потом
Вешают фотопортреты первопроходцев пустыни,
Говорят, что они - эти первопроходцы,
Были все, как один и убоги, и бессмысленны
В меру и во что-то там как бы одеты:
Канадцы, малайцы, китайцы - все хороши,
Все привозят из дома бациллы,
Но сами читают чужие и ветхие книги,
Кричат по ночам неприлично
И славят
Покойного сэра Ауронимо.

ВОЗЛЕ ДЕРЕВА ПРЕОБРАЖЕННОГО

Возле дерева преображенного
Сидит королевская крыса
Она листает газету
Которая вроде бы как

Еще и не издавалась.
По меньшей мере, вчера.
Хотя кто объяснит мне разницу
Между вчера и сегодня,

Между сном и явью полночной,
Между ангелом и Мефистофелем,
Ползущим по узенькой кромке
Девственно старой реки

Уползающей в ритме коды

В слюнявую пасть океана
Бормочущего по привычке
Зонги про вольную птицу

Коготь жизни скребет небеса
Но в ответ - ни единого звука.
Только крыса сопит под газетой
Возле дерева преображенного

Измельченного челюстями
Безразличного к дереву времени.

ЕГО ЗВАЛИ НЕ КА
Его звали Не Ка
Он был образо
Ван в сущности как бы
Немного убого. Но
Бога Воды не гневил
У порога
Горящего замка
На склоне трубы
Где скачут грибы
И танцует дорога

Его звали Не Ка
Он видел морти
Ру медленно пьющую
Черное море. The птицы
Сражались за хлеб
В коридоре
Чета перуанцев
Сожгла пол избы
Их игры грубы.
Как базар на Босфоре.

НЕОФОРМАТНЫЙ ДЖАЗ
Это случилось в семь или в шесть часов пополудни
Пять стратакастеров дружно на коду пошли

Только старинный хай-хед погрузился в свинговую долю
Так начинался в городе Солнца неоформатный джаз

Над горизонтом Любви клубятся лиловые тучи
В паузах между синкопами полускворец верещит
Лебедь купается в пиве, торопится тигр в аптеку
Меланхоличный бобер торгует зеленой икрой

Музыка непостижимо сливается с утренним флером
Статуи медные падают с грохотом в губы озер
Горизонтальные птицы мечтают проснуться в Торонто
Где еще в прошлом столетьи они себе свили гнездо

Что-то случается снова. В потухших углах Кандалакши
Между кесонным забоем и радужной сферой мечты
Пляшут субтильная прачка в тяжелых ботинках
И кривоносый ковбой, одетый в японский сюртук

Поезд уходит в ночь. Совершенно ему неизвестен
Маршрут достижения цели, поэтому он не спешит
Лязгать по рельсам трубой и помахивать тростью,
Напоминающей вялые ноги седых балерин

В джазовом голубе вдруг просыпается мамонт
Предпочитающий брейкам тупой рокабилльный запил
Хитрая девушка Флют опять изменила тромбону
Дворник по имени Харп в объятия арфы снова упал

Только басовая функция машет своей камилавкой
Предпочитая утехам любовным слова энд дела
Мрачный ситар черногривый, сознанья лишенный
Молча взирает на странные игры беспечных зверей.

НИМФЫ, ТИГРЫ энд САТИРЫ
Дождь был невнятен. Как местоимение
Услышанное ночью. За углом
Он шел и шел. Чужой души смятение
Учуял ворон. За большим столом

Зарытого в шелках ареопага
Кончался сонный пир. И вдруг ко мне
Подъехала пустая колымага
С воспоминанием о прожитой весне

На ней семь барышень стонали. Втихомолку
Непринужденно дергая за хвост
Врача дежурного. Чтоб дал он им иголку
Похожую на Гренадерский мост

Вокруг боярышник играл с чертополохом
Премьер министр пожирал медуз
Дождь был неявен. Ему было плохо.
А ворон с гордостью снимал картуз

В телескопической прихожей Монплезира
Вдали от панциря приватного жилья
Резвились нимфы, тигры энд сатиры
Среди картин и старого белья

ПРОИШЕСТВИЕ В ВОСЕМНАДЦАТОМ ОКРУГЕ
В восемнадцатом округе Тулы
Порвалась всемирная сеть
Под скалой крутились акулы
Проверяли на прочность плеть
Из зеленого неометана.
А беспечный плотник Трофим
Расплескал шесть литров сметаны
По дороге из Пскова в Рим
На ночном шоссе поскользнулся
Не заметил улыбку Луны
Спящий мир зевнул и проснулся
И лениво надел штаны
Ему пофиг задвиги Трофима
И акулья тусовка у скал
Он глядит неприступно и мимо
Добродушный как хэви-металл

Сверкала музыка, горели эвкалипты
Глаза души сверкали из трубы
Им оставалось пять минут судьбы

ГЛАГОЛЬНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
Учитель сжигает снег. Абрикосы на каждом шагу
Четырнадцать англичан мечтают уехать в Азию
Вселенная бьет через край .В опустошенном мозгу
Начинается новый этап. Круговращенье мальвазии
В старом бокале с огнем совершается каждую ночь.
Говорить об этом теперь бессмысленно и неучтиво
Динозавр с блестящим хвостом потерял обнаглевшую дочь
Которая пляшет нон-стоп на лацкане банки с пивом
Потерянной кем-то вчера. Возле ближневосточных ворот
На пересеченьи Судьбы и улицы вечной Боли
Говорят, это близко. А может быть, наоборот,
Продолжается действие: старые пьесы и новые роли.

***
Поедем в Гималаи
Январским жарким днем
Там мы увидим Майю
И вертолет с огнем
Там встретим мы Панкрата
С бутылкой коньяку
И брата - акробата
С пробоиной в боку
И девушку-албанку
Поющую в стене
О том, как спозаранку
Ползет змея ко мне
Безрадостно булькает море
К нему приближается горе
Но ящик Пандоры - в Ангоре

***
На молу - им времени не жалко
Ловят рыбу парни - рыбаки

В их руках - увесистые балки
А в ушах - свирепые крюки
Позади - долина сновидений
Ветер странствий и песков приют
В темноте не слышно песнопений
Футболистам денег не дают
Но она
Все-таки вышла
Через окно ванной комнаты
В ласковых глазах седой принцессы
Закипает серная вода
Ее мать служила стюардессой
Но ушла в кухарки навсегда
Черные сиреневые птицы
Спозаранку съели мандарин
И поэтому на их дремотных лицах
Зажигает свои свечи сплин
Но она
Все-таки вышла
Через окно ванной комнаты

ПРОЗАИК ЧЕРНЫХ ГОЛУБЕЙ
Весна в начале января
Подобна золоту Маккены
Его порой вливают в вены
Красотке страстной. Якоря
Безропотно лежат на дне
И не торопятся в Чикаго
Ползет брюнетка вдоль оврага
Спешит на смену. Но в окне

Танцует томный арлекин
Без галстука и без рубашки
Без брюк, без майки и без чашки.
Без головы. Он не один
Забвенью предал смысл тайны
Зарылся в облике войны
Пусть никогда не снятся сны

Сторонникам любви. Случайны
Законы той страны, где я живу
Не наблюдай за сущим наяву.

МИСТИЧЕСКАЯ

Кто видел беглеца в тени собора
Тот не забудет старого коня,
Ведущего свой род от мандрагоры
Советы древние за пазухой храня.
Все предначертано дыханием времен,
Шуршанием бумаг, игрой знамен:
Кто видел девушку, одетую небрежно,
Вакхически визжащую, как слон,
Не сможет возратиться к жизни прежней
Наполненной мерцаньем макарон.
Все обусловлено дыханием времен,
Шуршанием бумаг, огнем времен:
Кто слышал о жестоком каскадере,
О челюстях в крови, о древнем зле,
Тот не найдет гармонии в фольклоре
В напевах о разрушенной земле.
Все предначертано: дыхание времен,
Шуршание бумаг, огонь времен:

БУРЕЛОМ

Не верю я в привычку к языку
Исчерпаны лимиты прежней веры
Уж лучше жить, как прежде, на боку
И созерцать химеры новой эры.
За буреломом - новый бурелом,
Кому-то - радость, а кому-то - в лом.
В долине снов я видел эскимо
Его глодали нищие студенты,
Но превращалось эскимо в дерьмо
И гасли, как окурки, аргументы.
За буреломом - снова бурелом,
Тебе-то в кайф, а вот ему - облом.
Традиции истлели, мертв букварь,

Прочитанный весной, в шестидесятом,
Истерзанный до дыр гниет словарь
И сын идет на дочь, и брат на брата.
За буреломом - просто бурелом,
Какой облом, друзья, какой облом!
Спасенья нет от тряпошной козы,
Бегите прочь, пока послушны ноги,
Пусть отголоски праздничной грозы
Оттучат вас играть в пути-дороги.
Ведь бурелом - на то и бурелом,
Гостиница в пыли! Опять облом!

СВЕРКАЛА МУЗЫКА, ГОРЕЛИ ЭВКАЛИПТЫ
Вокруг кричали львы. Из водорода
Сапожник им наклеил каблуки
Он был вчера. Зачем-то без руки
И выпил фиолетовую воду
И красной лентой выкрасил подол
У похотливой леди кочегарки
Февральским вечером. В неведомом Гайд-парке
Садились пять историков за стол
Они не верили в пришествие судьбы
Уныло изучали манускрипты
Сверкала музыка. Горели эвкалипты
Им оставалось пять минут ходьбы
До победительного возгласа. Микробы
Опять взлетали на гнилой Монблан,
Где нет материи. Лишь спящий капелан
Там ищет сканеры высокой пробы.

БЭБИ - УБИЙЦА
Бэби-убийца встретилась мне
И вот что особенно меня удивило
Мчалась она на безумном коне
Бэби-убийца торчала нехило
О, бэби-убийца
Ты родом из Бийска
Бэби-убийца сготовила ужин

И вот что мне особенно было приятно
Ни ей, ни мне был ужин не нужен
Остались осколки и серые пятна
О бэби-убийца, бэби-убийца
Ты родом из Бийска, ты родом из Бийска
Бэби-убийца так звонко смеялась
И позже, когда мы лежали у койке
Она отдала мне свое одеяло
Сама же накрылась бачком из помойки
О бэби-убийца
Недаром ты родом из Бийска
Кого ты убила, бэби-убийца?
Шепнул я ей на ухо ночью темной
Она мне ответила: "Сомалийца"
Который пытался стать моей теткой.
О бэби-убийца
Недаром, недаром ты родом из Бийска

КОФЕ
Прожит день
Словно выпит стакан
Холодного горького кофе.
Близится ночь,
Сонная ночь,
Черная сонная ночь.
Ты выползешь утром
Из сонных глубин
И нырнешь в холодное кофе.
И в коричневой жиже
Будешь лежать
До наступления тьмы.
И так незаметно
Наполнится доверху
Огромный грязный кофейник.
Изо дня в день,
Из ночи в ночь,
Ты вливал в него по стакану.
И сам не заметил,

Как в нем оказался,
В огромном грязном кофейнике.
Ты в нем задохнешься
И осядешь на дно
Мутным, черным осадком.
И в последний миг
Ты вдруг остро поймешь,
Что все началось тогда
В день, что был прожит
Словно выпит стакан,
Холодного горького кофе.

ИМПРОВИЗАЦИЯ СЦЕНАРИЯ

С неторопливой грацией трамвая
Приходит жизнь - и снова умирает,
В событье этом нет большой беды,
В преддверье ада есть ступени рая,
Мы ночью строим пагоду в сарае
И осень погоняем без узды.
Седым волхвам воздастся за труды
Их приютят бездонные пруды,
Расположенные в краю, где нету края.
Как говорят в народе - подь сюды,
Месторожденье пусто, нет руды,
Безрадостна зима в начале мая.
Безглазый демон с радугой играет
Разравнивает прошлого следы,
В какой-то кривоточине судьбы
Мелькнула женщина - и отошла, хромая,
То тень возмездия! Моя ж мечта иная
Считать отполированные лбы!

НОЧНОЙ СОНЕТ

Асс нонсенса по сути не был ассом
Он не любил прогулки на террасу
И сжав кримплен в протянутой руке
Тоскливо вспоминал о пауке
Который полз по шляпе мирозданья

Презрев убогие молитвы и стенанья
И толстокожую мадонну в городке
Сверкавшую глазами в каблуке
Так продолжалось долго.Лет пятьсот
Никто не знал дорогу.Старый крот
Упорно продирался в верховину
В тот чудный край, где стройные руины
Возвысились над трепетной рекой
Дарующей забвенье и покой.

***
Смерть играет тихо на гитаре
Перебором нежным струн касаясь
А я думал - это музыкант,
Распахнув окно, увидел птицу
Но аккорды эти, все равно
Слуху моему приятны были
Я тихонько музыке подпел
Позабыл, что это смерть играет.

ТРЕХЧАСТНАЯ КОМПОЗИЦИЯ
ОКНО. ШАЛОМ. КОНТРОЛЬ
Она упала. На высоком берегу
Сквозь грязь небес просвечивало море,
Сломав свою блестящую ногу
Железный дровосек уже не спорил
С превратностями метода. Ему
Казалось, что цветущие фиалки
Опять, опять в чужом дому
Растут. Но мне его не жалко
Подобно похотливому ослу
Напрыгнул вечер. День кончал лениво
Свою игру. Так севший на иглу
На прочие расклады смотрит криво
ОКНО
ШАЛОМ.
КОНТРОЛЬ
ОКНО

ШАЛОМ.
КОНТРОЛЬ
На Менделеевскую линию
Я ехал утром. За окном
Надрывно плакала ольха. А пиния
Гремела бархатным ведром
Деревья - суть преображения.
Не стоит думать о борьбе
Пусть птицы ощущают жжение
Когда танцуют на горбе.
ОКНО
ШАЛОМ.
КОНТРОЛЬ
ОКНО
ШАЛОМ.
КОНТРОЛЬ
Все идет . Куда-то.Там, в далеком,
Иногда в бестрепетном дыму,
Слышен тихий брейк. В районе Сохо
Это будет. Или же в Крыму
На пороге грязной остановки
На крыле сиреневой трубы,
Ты прольешь пятнадцать грамм перцовки
В горло незадачливой судьбы
ОКНО
ШАЛОМ.
КОНТРОЛЬ
ОКНО
ШАЛОМ.
КОНТРОЛЬДИЗАЙН ЛЕТЯЩИХ СЛОНИХ
Возле карбункула солнца согбенный вепрь летает
Иглоукольную мантру зубрит. Как всегда наизусть,
Он мандолиной безвучной классиков жанра играет,
Несколько частных гармоний. Дремучая грусть
Вновь охватила его во втором чумовом приближеньи
К трепетной плоти судьбы. На стакан молока
Смотрит наш зверь изумленный. И вспять начинает движенье
К старой кремлевской стене.Так проходят века

Мимо фигурных каскадов, дрожащих как старая дева
В миг испытаний постельных. Но, впрочем, забудем о них
Ведь завтра утром опять, вблизи изумрудного хлева,
Все мы услышим дизайн летящих слоних
Если ты никого не допустишь,
Значит ты ничего не пропустишь

СЦЕНА ИЗ ПЬЕСЫ
Сон Первого (Выморок).
Там же. Ночное время,Ә Первый спит.
Первый (во сне):
Я - кинокамера, я - черное пятно.
Осколок ржавчины, лохмотья лицедея,
Душа травы, каморка великана,
Шнурки албанца и помет Луны,
Я - водохлеб, строитель и блудница,
Я - серый голос лысого орла,
Сверхускоритель рвоты,
Панцирь мысли,
Пиджак на вырост для кота в мешке
Я... Что такое? Кто там ходит-бродит?
Какого хрена? Хуле надо вам?
В самом деле, возле Первого появилось какое-то странное
существо откровенно мистического вида. Вроде бы с крыльями.
Назовем его Ангел.
Ангел:
Чирик-чирик. Хуяк-пиздык. Конгратьюлейшн.
Бумс-бумс. Харк-харк. Хлоп-хлоп.
Первый:
Привет, привет...
Я что-то не врубаюсь...
Ты - ангел? Ангел Света или Тьмы?
Ангел:
Мы, наверху, в покоях без предела
Понятий этих век не различали.
Первый:
Как? Свет и Тьма есть суть противоборство...
Ангел:

Какая чушь! Весь спектр одинаков,
Одно неотделимо от другого.
Скажи - ты любишь выпить - закусить?
Вот я - люблю.
Ты, кстати, не богат
Хорошей сигареткою?
Первый:
Без фильтра.
Ангел:
Давай!
Первый:
Я их храню в помоях. Чтоб сушее были.
Ангел:
Мудрое решенье. (Закуривает)
Похоже на гашиш из Костамукши.
Я был там.
Презабавное местечко: плодятся осы,
Нервно воют волки, а овцы
Варят круглый год кисель...
Но ты - я вижу - занят чем-то важным
Пардон, коль помешал...
Первый: . Я занят, да
Я угли ворошу
Костра, который так и не зажегся...
Ангел:
Достойное занятье! Сколь успешно
Продвинулись дела на этом фронте?
Первый:
Да как-то ни черта...
(Горячо) Мне хочется найти
Свой след на той дороге,
Где луна
Мне освещала путь в сплошную ночь!
Как ноги затекли!
Встает, прохаживается.
Ангел:
Быть может, сменим ритм?
Первый (растерянно): Ритм? Это город на юге Австралии?

(Торопливо бормочет.) Она сказала, она сказала...
что не выпускает меня из объятий... Ой! Как низко висит люстра!
Я опять ударился! (Истерично рыдает.)
Ангел:
Рамка все же нужна
Ничего без нее не получится
Так уж устроено.
Чтобы увидеть суть леса
Надо черту провести.
Первый:
А если стать лесом? Сосной?
Ангел:
Тогда ты увидишь то, что видит сосна
Но не больше.
Первый:
А надо ли больше?
Ангел:
Не знаю. Я не лекарь
С пачкой рецептов в портфеле.
Но я знаю, что надо оплачивать все
Только кровью своей.
Нет тверже валюты на свете.
Первый:
В каком банке хранить эти деньги?
Ангел:
Просто в банке
С плотно притертою крышкой.
Главное - чтоб кровь не свернулась
А иначе - дело труба.
Первый:
Помню, я читал в гороскопе...
Ангел (резко):
Гороскопы - хуйня!
Их придумали для мертвецов,
Для филологов с фигой в кармане,
Для звезд рок-н-ролла,
Уныло играющих в имидж
Для любителей некро

И прочей контрацептуры.
Первый: Вот те раз! Поскольку я не отношусь ни к тем, ни к другим, ни к третьим с четвертыми - значит, мне и здесь ловить нечего? (Дурашливо смеется.)
Пауза.
Ангел:
Ты все ловишь свет первородный.
Ты ищешь ключ - чудодей,
Который откроет двери
К Весне Священной ведущие...
Нет, так не бывает.
Нужно, конечно, что-то иметь,
Но желательно меньше, чем больше.
Вернее - процент с пустоты.
Понимаешь... есть предел для всего,
Только о нем узнаёшь лишь в последний момент
Когда ударяешься лбом.
Зато
Только тогда
Ты получишь право
Выпилить рамку,
Чтобы в нее поместить
Залив с высокой травой,
Руки природы,
Песок на губах
И сосны в спящем лесу.
Первый:
И еще...
Ангел:
И еще - что угодно,
Что оплачено собственной кровью!
Понимаешь... Свет или Тьма
Возникают только впоследствии,
А в самом начале - их нет.
Собирается уходить.
Первый:
Я хотел бы... когда-нибудь
Снова с тобой поболтать...

Ангел:
Это - можно. Вот - телефон мой. Звони.
Протягивает Первому визитку и исчезает.
Первый (пытается разобрать написанное на визитке): Два нуля... двадцать... два нуля - двадцать... Два нуля - двадцать... Небесная Канцелярия... А? Что-то было, только раньше, давно. Я помню: все это шло и шло, тащилось и растаскивалось, растаскивалось и растащивалось. Это я уже проходил. Давно проходил, в самом еще начале чего-то... Наяву. А сейчас-то я - сплю. Да, сплю. Спу.

ВОЗМОЖНО, ЭТО БЫЛО ВЧЕРА

Возможно, это было вчера
Ты глядел мимолетно на хмурое зеркало времени
Не пытаясь увидеть его в мимолетном дыму настроений
Переполнявших безликую мантру зимы
Уносившей тебя в одурительный хаос рождений
Но на этой дороге, изломанной старым фонтаном
Настоятельно рвущимся к суетной дымке любви
Отраженной в пустом лабиринте галлюцинаций,
Источающих трепетный голос второго восхода
Никому еще не было не суждено
Победить или забыть навсегда
Сбросив кожу значений
Утерянную поневоле
В злосчастной пыли катакомб.
Это, впрочем, неважно
Это, похоже, всего лишь попытка
Воплотившейся в нечто мечты
Быть такой, как казалось ее прорицателю
Убежденному силой судьбы
В справедливости камерных истин
Что же будет потом?
Что случится в ползущем на берег гуаноподобном реликте?
Кто поможет ему одолеть тягучую бурю надежды?
Порожденной в неправедном браке мадонны и
Радикально жестокого грека
Которого звали как будто бы :

Стоп! Нон-стоп, монсеньор Федерейдо!
Возможно, это было вчера
Об этом не знает никто в старом доме
И даже седой каскадер,
Проверенный дилер из Фриско,
Матерый ценитель тротила,
Прожженный как тысяча линз
Отражающих сонное небо
И вязкую пыль под ногами
На дороге в таинственный грот
Где брачуются нимфы и крысы
Даже он, любовник гремучей змеи
Изменившей ему только с волком
Бессилен сказать что-нибудь
По поводу первопричины
По поводу свинга интриги
Взорвавшейся вновь в третьем акте
И лишившей покоя его
Знатока и пройдоху
Разбившего тысячу ламп на подстилке дорог
Убежденного и тысячекратно непримиримого
Хранителя тайн забытых
И давно никому уж ненужных
Да, даже он молчаливо ушел в тишину
Уподобившись этим неброским поступком
Стыдливой и трепетной деве
Незнакомой практически с книгою плотских утех
И, однако, сумевшей с утра, в минувшую пятницу
Напоить молоком
А потом истязать своим ласковым лоном
Пятерых офицеров, десяток солдат
И седого полковника Трини,
Который запутавшись в спелой соломе
Ее неумелых, но жадных объятий
Успел снять только один сапог.
Возможно, это было вчера
Но теперь, в горячей тусовке дня,
Между Сциллой Харибды и остросигнальным припевом,

Заученным не навсегда
И забытым опять накануне рассвета
Кто-то скачет на сером баране проклятия
Мимо домов, никем не построенных
Мимо истин
И
Мимо брандмауэра одиноких голов
Туда
Вперед!
В сторону сладкой пыли
И полусырого отвара из меда
И ему уж никто возразить не посмеет
Да, никто, не единый из жителей хмурой Молдовы
И безвольных туземцев Ирландии,
Привлеченных запахом моря
Наполненного баобабами и тополями
И еще какой-то вчерашней игрой,
Заброшенной сонным пастырем меди
В болото нездешней провинции
Где порою звенит мелодично
Колокольчик сгоревших надежд
Пусть звенит.
Пусть дымится на карте
Забытой еще легендарным потомком Маклая
В пучине седого вулкана
В долине семи ветерков
А вулкану, увы, все никак и никак не проснуться
Не несут ему завтрак служанки-воровки
Не греет лед парикмахер с червями в ушах
А прощелыга шофер с корявым лицом
Куда-то в туман уехал с валютой,
Предназначенной для приобретения
Восемнадцати ящиков филадельфийского хлеба
Возможно
Это также было вчера.

НОВАЯ ДЖУЛИЯ

Джулия приближалась к пределу.
Под балконом вдруг привиделось что-то
Непохожее на лабиринты любви
По которым ей раньше бродить доводилось
Восемнадцать ноль-ноль - послезавтра,
В три минуты седьмого - сегодня,
Или восьмого числа високосного года:
Неожиданно вскрикнул хорек за углом!
Джулия приоткрыла окно. Почему-то
Ей, пожалуй, совсем уже не хотелось
Слушать баллады и серенады.
Да и голос звериный ей не понравился
Он напомнил о темной трехногой кибитке
Разрушенной вечером позавчера
Надменным и наглым хранителем кармы
Приехавшим поездом из Касабланки
Что же делать? - подумала гибкая Джулия
Неужели вновь скитаться безрадостно
Мне придется в коридорах судьбы
В поисках пыли, песка и золы?
Или дрожащих корней лакриона?
Или оборванных листьев сосны?
Помятой сонным дыханием юга
Где в доме без крыши живут троглодиты
С чужими глазами. Они ведь не знают,
Что там, за безраздельным пределом,
Мне уже не случится нырнуть в лабиринты
В которых так я любила тонуть.

И КОНЧИТСЯ ВЕЧНОСТЬ

Январская голова полна беспечных забот
Немножко мешает снег, но в целом все катит нормально
Вокруг - танцует безногий посол Бранденбургских ворот:
Иллюзия, море, мечта. Не стоит смотреть печально
На призраков розовый хор. Они разучились петь
Хотя - как учит талмуд - и вовсе петь не умели
А только сражались на шпагах, утратив совесть и честь

Забыв их, вернее, в подкладке свердловской шинели
Что будет - не знаю. Совсем не пытаюсь узнать
Пусть пляшут послы, пусть скрежещут чугунные шпаги
В долине Гийома поют а капелла с диваном кровать
Струятся по ножкам и бедрам потоки живительной влаги
Наверное, скоро они опять потекут в океан
Навстречу бесстыжей весне, восходам и водопадам
Но кто-то, неведомый мне, швырнет их в четвертый карман
И будет нырять в интернет с бессмысленным взглядом.

И кончится вечность. Не будем о ней жалеть.

В ЭТОТ МИГ

В этот миг, когда белые крысы
Побегут по морям
Бессознательно темной Вселенной,
И подлунные шторы
Оборвет полусумрачный ветер,
В тишине городов
Возрожденных и дряхлых,
Возникают фигуры,
Непохожие на инь и янь.
Может быть, поздно утром,
Во время вечерней сиесты
Каталонский правитель проглотит
Краюшку добротного яда,
А потом поползет
Вслед за сотнями темных блондинок
И попросит прощенья за то,
Что дорога в долину тюльпанов
Превратилась в магический сон
Ну а рядом с корзиной,
Наполненной сонным рассветом
Упоительно и неуклюже
Вновь танцуют четыре вороны,
Но как только тамтам полнолунья
Всколыхнет вечно пьяный звонарь,

Тогда гордо они улетят
В отдаленные рощи веков
Горящих в трущобах Сан-Педро.

ЧТО-ТО ТАКОЕ СЛУЧИЛОСЬ

Что-то такое случилось: Вроде лилового дня
На радужно черном платке одноногого дерева
Шуршали коробки. Сверкали короны и перстни
Им всем почему-то было напрочь мало любви
Наверно, мы завтра опять ничего не услышим
В тумане дневном. Говорят, скоро будет аншлаг
И вместо изогнутой труппы дремучих танцоров
В наш город приедет принцесса томительных снов
Которые видел король меломан. Из поэмы,
Потерянной сонным шофером на пьяном углу
В тот миг, когда он приближался к бездонной пучине
Безводной речушки, впадающей в красный квадрат
Где снова и снова спектакль идет без антракта
На сцене, лишенной кулис и сюрпризов судьбы,
В бинокль не видно, что нынче под шляпой театра
Лишь в тысячеярусной люстре тлеет коварный огонь.

АНГЕЛ НЕЯВНОСТИ

Ангел неявности мне говорил
Что с утра надо выключить воду
Из колодезных емкостей. В старом углу
Все горит. Снова в сторону тьмы
Развернулся игрой недовольный Гермес
Зеркала упали под гору
Три зеленых слона, потеряв горизонт
Улетают. И тут же, вдали
Пошатнувшись, поет Мельпомена : "The end!"
Пять утра, ветер прыгает в небо
Сонный драйв вдоль дороги. Беззвучно кричит
Сторож красных, разрушенных стен.
Может быть
Это завтра опять случится с тобой?

ПИСЬМО

Письмо ненаписанное:
Но может быть кем-нибудь и написанное
Письмо неотправленное
Но может быть кем-нибудь и отправленное
Письмо
У которого не было вовсе начала
А может быть
Это письмо без конца
Сейчас уже сложно, пожалуй, врубиться
О чем и о ком
И откуда, и где
Сочинялось это послание
Кому направлялось оно
И писал ли его кто-нибудь
Ведь оно не имело
Почти не имело
Ни конца, ни начала
И стало быть нет никаких оснований
Считать письмом то
Что письмом совсем не являлось
И было всего лишь подобием
Тенью ничтожной
Попыткой письма
Идеей письма
Стремленьем к письму
Которое
- Как говорит Лукьянов
Двоюродный брат Марселины Кремницкой
Солистки из хора имени Гельмана -
Никто
Никогда
Никому
Ни за что
И не будет писать

СЕРЕДИНА ТЕКУЩЕГО МАРТА

В середине текущего марта

Утро
Чем-то напоминало вечер
Ну а вечер
- Этот дерзкий угрюмый толстяк
Предпочитал
Совсем не включать телевизор
Так бывает порой
Когда вместо грядущих корней
Мы находим в глуши городской
Бейсбольные биты
И бежим на платформу тумана
Встречать незнакомых гостей
Прилетающих из отдаленных углов
Соседней судьбы
За осколками новых историй
Которые могут случиться в полдень
В середине текущего марта
17.03.2004

СТЮАРД С ЛИЦОМ ВОЛКА 2
Стюард с лицом волка
Летел к померанцевой роще
Нет, он не хотел
На работу идти в понедельник
И может быть даже в четверг
Надоело ему
Бесконечно бродить над Сибирью- рекой
И следить за ленивым удавом
Уходящим все дальше и дальше
На Север
Говорят, что прежде, в восемнадцатом веке
Солнце ярче светило
Над Сибирью и над Бенгалией
И вроде бы даже над Африкой
Он не помнил об этом. Он позабыл.
Все равно ему в сущности было
Потому что новый восход
Затерялся опять

В старом кармане плаща
Стюард с лицом волка
Стоял у дверей над
Континентального лайнера
Он глядел на камею-бета
И пытался понять
Что же случится еще
В этом стремительном мире?
Ему совсем никуда
Не хотелось лететь.
26.03.2004

МЕССА ПУСТЫНИ. ДОРОЖНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ
Архангелы Мертвого Озера
Скучно смотрели вокруг
Они чем-то были похожи
Усатые, в теплых кепках
В изъеденных ветром куртках
Один неважнецки выглядел
Очки поправлял на носу
Другому хотелось спать
Третий вместе с четвертым
Покачивали головами
Тягучий ритм дороги
Был им задан еще в прошлом веке
Они позабыли про музыку
Ну, разве что по ночам
Собирались на пальмовом пляже
И слышали как в сэконд хэнде
Скрежещут гитарные трели
Как медленно разрушаются
Потертые старые пленки
Предела нет песне без слов!
Архангелы Мертвого Озера
Предпочитают теперь
Что-то им самим непонятное:
Наверху скрипят тормоза
Продолжается месса пустыни.

27.03.2004

ВСЕ РАВНО МЫ УЕДЕМ В ИСПАНИЮ
Дерево старой дороги
Покорно глядит на восток
Его ветви похожи на лингву
Разрушенную тайфуном
Простодушные колокола
Заканчивают саундчек
За углом воет зубробизон
Он опять потерял работу
Может быть, не стоит жалеть
О потерянной шапке иллюзий
Все равно мы уедем в Испанию
Если мрамор отдаст нам билет
27.03.2004

МОКРЫЕ ГОРЫ ОСЕНИ
Мокрые горы осени
И прочая хренотень
В пещере снова пожар
Его никто не погасит
Наверное, это карма
Или что-нибудь вроде
За дверью кричат пираты
Одетые в рваные куртки
В углубленном самопознании
Есть свои преимущества
В коридоре завтра дуэль
Кабальеро сразит монсиньора
В хриплом горле неондертала
Бурлят аккорды энд гаммы
Музыке нет преграды
Продолжается заговор
Этот поезд идет не туда
Плацкарта судьбы, но судьба как звезда
Кентавры,бизоны, в трюме - вода
Этот поезд идет не туда

3.03.2004

СНОВА ЗАКАТ

Снова закат. Она трепетно скачет
По берегу вечных развалин
Непостижимая лань обстоятельств
Которых никто не считал. Никогда
Мы не станем играть в лотерею дождей
И не съедим эскимо
Наступившего в сумерках утра.
И не увидим, как лань убежала вперед
Обогнав лучезарного тигра
И сонных его дочерей
Беспечно бредущих по кругу природы
Вокруг отчужденной судьбы. Снова закат.

Анатолий Джордж Гуницкий

*КРЮКООБРАЗНОСТЬ МОЙ ДЕВИЗ

аквариумные стихи *

** В приложении <#new> к этой публикации
приведены тексты, не вошедшие в книгу "Крюкообразность"
из альбома ТЕРРАРИУМА "Пятиугольный грех"*
*

* ЗОЯ И СОНЯ *
Вчера начнется в три утра
В горах откроется нора
Найдет приют малютка Соня
В Преображенском гарнизоне

А не захочет - не найдет
Лишь синий волк ее поймет
Помоет ноги под сукном
Почистит зубы перед сном

Цыплята принесут помои
Но в тишине не видно Зои
Которая согнув карниз
Лениво смотрит вверх и вниз

Не знают в чудо гарнизоне
Кто лучше: Зоя или Соня...

* РАЗМЫШЛЕНИЯ *
Ты знаешь ли, по крайней мере,
Что группу ЭНИМАЛЗ не любят звери?
И с тем живут, и говорят о вере,
И истязают плоть свою хлыстом,
Не забывай о том, по крайней мере.

Ты знаешь ли, по крайней мере,
Что в тишине ночной сломались двери?
Любовь в снегах, тревога в атмосфере,
И старый конь под розовым кустом.
Не забывай о том, по крайней мере.

Ты знаешь ли, по крайней мере,
Что есть изъян и в элегантном кавалере?
Подвержен он припадкам и холере,
И дом его дымится под мостом.
Не забывай о том, по крайней мере.

Ты знаешь ли, по крайней мере,
Что наступал конец всей нашей эре?
Уже февраль, а мы все на пленере,
И песенки поем - о том, о сем...
Что тут сказать? Пиздец! По крайней мере!

/В альбоме "Пятиугольник" песня называется "По Крайней Мере".
Строчки в ней тоже немного изменены, третье четверостишье - новое.

По Крайней Мере

Ты знаешь ли, по крайней мере,
Что группу "Animals" совсем не любят звери?
И с тем живут и говорят о вере,
И истязают плоть свою хлыстом...

Ты знаешь ли, по крайней мере,

Что в тишине ночной сломались двери?
Любовь в снегах, тревога в атмосфере,
И старый конь под розовым кустом...

Быть может, в Репино, на пляже
Найдешь ты труп остывший мой
Спеши к нему, играй и пой,
Для мира это не пропажа.

Ты знаешь ли, по крайней мере,
Что наступал конец всей нашей эре?
Конец чуме, припадкам и холере,
И красный дом дымится за мостом...

/

* НАКАТ ДЕВЯТЫЙ *
Я знаю, ты вчера ходил в народ
Но в доме не увидел никого
Лишь только элегантный старый крот
Играл в лото у трона своего

В пещере теплой дремлет кочегар
Ему не хочется встречать весну
Изящный слон уходит в будуар
Чтоб очаровывать свою жену

Шестнадцать самолетов типа ТУ
Летели рядом над большой водой
Один из них, завидуя кроту
Ныряет в землю в сговоре с судьбой

Принцесса потеряла лишний чек
И вновь идет в Дом Быта на постой
Так незаметно проползает век

Две тысячи четыреста шестой
Звук - здесь <http://www.atom.ru/sashka/>

* ЗУБОВ И ДРУГИЕ *
Старые розы Моллоя
Сладко чернеют во тьме
Грубо и ласково воя
Черт улетает в чалме

Розовый куст абрикоса
Нежно ломает гранит
Тридцать четыре вопроса
Череп в чулане хранит

Зубов надеется все же
На превращение слов
Принц поднимается с ложа
Мать подает ему плов.

* * * * *
Вот фильм. Вот Вода. А вот трава.
Трава не в смысле "дурь"
Но просто зелень
Которая растет почти везде
Куда не бросишь одурелый взор
А отчего он, кстати, одурел?
Быть-может, даже вовсе не случайно...
Попробуй, разберись в круговороте,
В пересеченьи и в переплетеньи
Ночей и дней, сменяющих друг друга
Подобных кадрам в киноэксерсисе
Отснятом неизвестным режиссером

Задолго до того, как мы пришли
В просторный, гулкий, безграничный зал...
Где дремлют горы, где дробятся годы
Где рушатся столицы и сознанья
Где тигры, кошки, мыши и собаки
Ничуть не хуже тех, кто на ногах
Влачит годами груз постылой жизни.
        Она зевнула.Тоже человек
        И тоже ходит по планете иногда
        Даруя проходящим персонажам
        Возможность заглянуть в глаза природе.
Поставим точку, господа! Довольно!
Тускнеет в пересказе сериал
Тем более, что в этом пересказе
А может-быть, и в этом сериале
Нет смысла совершенно никакого
Вот суша. Вот вода. А вот трава
Она по-прежнему почти везде растет
Куда не бросишь одурелый взор
Неважно, отчего он одурел
И даже если вовсе не случайно
То это, по большому счету, все равно
И нам, и им, и госпоже траве
Которая живет себе, плодится,
И иногда, легонько, поутру
Щекочет воздух... Так вода
На грани суши - там, на горизонте
На горизонте чистом гладит небо...

* ПСЕВДОБАЛЛАДА *
Веник свалился в углу
А за ним и метла
После упал и пропеллер
Из необработанной жести
Лампы и стены

Очки и колеса
Рубашки и стулья
И даже мосты в гаражах
Все разлетелось по свету
Знаменуя момент пробужденья
Безропотно спавшего мозга
Застрявшего вечность назад
На дальней тяжелой дороге
Что ведет в золотой океан
Нам, бесспорно, неведомо многое
Мы пытаемся спрашивать ложки
Про что, про куда, про зачем
И о массе ужасных проблем
Но ответа все нет. Молчит
Не дает нам ответа
Страдающая этажерка
Заросшая черной травой
Или белой моралью даже
Угрюмо скрывает разгадку
Позолоченная сковорода
На которой готовил свой ужин
Усталый поручик Семенов
В начале минувшего века

* ПРОЩАЙ, ЛА-ВАЛЕТТА *
Ла-Валетта находится в Африке
От Москвы весьма далеко
Самолетом туда ни хрена не добраться
Только пешком, пешком, пешком по воде
Но однажды вчера я там побывал
Я пешком приполз в Ла-Валетту
По теплому, мокрому, сизому морю
Содрогаясь от хруста рыбьих костей
Было за полночь. Тихо ревел водопад
Фиолетовый буйвол бодал стеклянную лошадь

Пешеходы икали во сне. Мэр тоскливо рычал
Полный дятел бродил по зеленому полю,
И я понял внезапно - мне нечего делать здесь
Выпил стакан лимонада, взглянул на дорогу
Густо-вялая рожь колосилась на площади старой
Напоминая украдкой о редких картинах Ван-Гога
Прощай, прощай Ла-Валетта!

* * * * *

Киви, бананы. Дракула
Девушка Виолет
Трепетный череп раковый
Хор неземных планет

Все это нам подарено
В сумрачном полусне
Сотни чертей поджаренных
Ползают по стене

Если в долине каменной
Дремлют глаза богов
Значит в крутую сваренный
Кончился век снегов
Плачет дракон прирученный
Ничему не обученный

* СУДЬБА И ПАЛЬТО *

Перебором нежных струн касаясь
Смерть играет тихо на гитаре
Рядом - краснолицый генерал
Распахнув мундир, увидел птицу

Через час в туннеле расцвела
Желтая, седая хризантема
И смеется призрачный баран
Над своей двоюродной сестрою
Ну а может строгий генерал
Отдал честь таинственному ветру
Что принес ему воспоминанья
О зловещем острове Манталья
        Не знает, не знает, не знает никто
        Зачем одевает судьба пальто

После появился капитан
Поутру убитый генералом
Облака порывисто взлетели
Смерть порвала пятую струну

Призрачный баран пошел домой
Он давно не видел сериалов
Элегантный филин задремал
Кончилась еще одна страница

Если бы я ведал, для чего
Прилетали бежевые люди
Зажигать невидимые мне
Фонари на острове Манталья
        Не знает, не знает, не знает никто
        Зачем снимает судьба пальто.

* АРТУР, ЭЛЬВИРА И МОЛЛОЙ *

Моллой торопится во тьму
Там не понравиться ему
Артур кричит. Эльвира плачет.
Быть может, надо жить иначе?
Без восклицаний и снегов
Вдали от мертвых берегов

Так думал сумрачный Моллой
Скрипело время под ногой
Артур Эльвиру разлюбил
Басовый ключ во тьме скулил
Многоголовое созданье
Заканчивало заклинанье

Моллой упорно шел назад
Он торопился на парад
На бал Эльвиры и Артура
Где кончится контркультура
Где одноглазый соловей
Прочтет сонет среди ветвей

Артур Моллоя не узнает
Эльвира с PRODIGY играет
Гроссмейстер снимет свой парик
В принцессу влюбится старик
Суровый слон раздавит полку
Наперекор степному волку

* БОТИНКИ ГОСПОДИНА ИВАНОВА *

Ботинки господина Иванова
Куда-то убежали поутру
Хозяин был сначала очень зол
Но после, поразмыслив на досуге
Откушал апельсиновый салат
Запил его соленой минералкой
И понял, что без обуви ему
Удобней будет спать на антресолях
Построенных отшельником Растрелли
На деньги эмигрантов из Тувы
Живущих ныне вольно и безбедно
Предпочитающих свирепому гранж-року

Томительный и нежный соул-джаз
Но через сутки обувь Иванова
Вернулась, поминутно извиняясь
Вся мокрая, с улыбкой на устах
И он, еще вчера такой сердитый
Сегодня усмехнулся благосклонно
И в свой черед забыл о чудесах
Безоблачного метрополитена
Живущего в свободном далеке
На берегу реки Аму-Дарья.

* * * * *

Где катафалк не проползет
Там бронепоезд не промчится
Скулит лазоревая птица
Прохожих к пропасти зовет
Где катафалк не проползет

Моллой пришел издалека
Забыв о страсти и печали
Вокруг пожарники кричали
Кончались средние века
Моллой пришел издалека

Так продолжалось триста лет
Огонь, вода и все такое
Конвой уходит в Бологое
В чужой душе расцвел скелет
Так миновали триста лет...

/В альбоме "Пятиугольник" песня называется "Моллой пришел"/

* СКВОРЕЦ СТЕПАН МОЛЧИТ *

На лестнице судьбы
Порою неуютно
Витийствует танкист
Бесчинствует моряк

Армагеддон весны
Рыдает беспробудно
Фанфары полутьмы
Сражаются с веслом

Мы долго ждем вестей
Апостол Беспредела
Приходит неспеша
С улыбкой и в слезах

Зевающий хирург
Приподнимает тело
Молчит Скворец Степан
Мерцает соловей

* ЯНВАРСКИЙ РОМАНС *

Когда январский вечер синий
Над горизонтом вскинет флаг
Вокруг исчезнет четкость линий
И на лугу заплачет враг

Откуда он? Никто не знает
Мир безразличен к суете
Но прозябая в нищете
Беспечны древние трамваи

От одиночества зевая
Сонеты пишет лесоруб

Шоссе от холода страдает
Зеленый дым ползет из труб

И жизнь о смерти забывает
И синий вечер - умирает

* СТУДИЙНЫЕ ВЕДЫ *
В тени студийного похмелья
Проходят дни, но нет веселья...
Зевают туфли на полу
Пустой бокал лежит в углу
Коварно дышит сигарета...
Возможно, завтра будет лето...
Веселья нет - но нет тоски
И так - до гробовой доски!

* ГИБРАЛТАР, ЛАБРАДОР... *
Песню звонкую пропела
И на изгородь взлетела
Птица в белых кружевах
И в шиншилловых мехах

      Гибралтар, Лабрадор
За окном крадется вор

Если спелая малина
Почернела без причины
И осыпалась кора
Значит - кончилась игра

      Гибралтар, Лабрадор
Из трубы свисает вор

В желтом облаке Сансары
Вертолет страдает старый
Не поет, закрыв свой рот
Виртуозный полиглот

      Лабрадор, Гибралтар
Начинается пожар

Многоликие монголы
Пьют карбидовые смолы
Турки скачут по гробам
Прямо в город Амстердам

      Лабрадор, Гибралтар
Закрывается ангар

* СОМОВ И ДРУГИЕ *
Я ехал в поезде. Дымились пассажиры
Кондуктор танцевал. Летал рояль.
Поэт уныло грыз бесформенную лиру
Чужих мышей ему давно не жаль

Невоплощенные, бывалые тромбоны
Шептались громко о семье червей
Профессор нечисти мечтал забраться в зону
И познакомиться с женой своей

Под утро снова вечереет. В промежутках
Между глухим журчанием колес
Оскаленные рты сияли грозно, жутко
Кондуктор танцевал. В купе родился пес

В ладонях у Луны медуза шевелится
Усь-Мусь поет о тайнах бытия

Сиреневый Корсар лениво суетится
Кондуктор мертв. На отдых ехал я.

* НОВАЯ ЖИЗНЬ *
Видеосервис кончился
Это случилось ночью
Когда зеленые руки
Украли глаза любви
Свирепый трепетный змей
Ушел в царство корзины
Хмельные снеговики
Растаяли без причины
Теперь так будет всегда
Твердой станет вода
Без труда
Вроде бы хочется пить
Но не выпить твердую воду
Странные желтые крылья
Закрывают планету
Безмятежен голос жука
Попавшего в паутину

Доктор верблюд взрывает
Юбилейную мину
Твердой станет вода
Теперь так будет всегда
Без труда
В Израиле выпал снег
В России плюс сорок восемь
В Африке много Азии
В Азии мало Африки
Глобус похож на квадрат
Лыжи похожи на шины
Над небесным мостом
Летает чья-то машина

Теперь так будет всегда
Твердой станет вода
Без труда

* СКВОРЕЦ СТЕПАН - 2 *
Лечу назад в долине великана
И вижу черную The Wall
Она напоминает стол
Растоптанный супругой великана

Стена. Дымится бомба из кармана
Но суетливо стонет вол
Безрадостно грызущий пол
Загаженный впотьмах скворцом Степаном

А великан ныряет сонно в ванну
И лакомится там марихуаной
Пусть пеликаны гложут провода
Отныне не добраться им сюда
В наш дивный край, где буйствует судьба
Где великан сжигает города!

* МЕТАМОРФОЗЫ БЫТИЯ *
Если бы я был не я
Я бы обратился в я
Но поскольку я не я
То не я это я

* * * * *

Когда сознанье плывет
В далеком мареве рассвета
В казарме марширует взвод
И так заканчивает лето

Вдали мелькает профиль Греты
Она на встречу нам ползет
Вам кажется, здесь мало света?
Но жизнь - игра наоборот!

* * * * *
Ключевые слова избегают склонений
Падежей - рубежей и наречий гнилых
Но превыше всего - одурительных местоимений
Умирают они, если взглянут на них

О грамматика! Символ забытых свершений
Уголок старых тайн и черных рогов
Пролетают над морем зеленые тени
Уносящие вдаль псевдо-ветхозаветных коров

Ничего не случится! Не бойся! Не думай о цели
Если цел барабан, но в пещере распустятся ели
Пусть дежурный водитель направит авто на тромбон
На котором таинственно дремлет пленительный слон.

* НАКАТ ДВЕНАДЦАТЫЙ *
Сэр Хьюго грезит о Колхиде
Или о бывшей пирамиде
Или о завтраке в лесу
Или о ключике в носу
Или о чем-то в этом роде...

Увы! О нем забыли вроде
Пусть викинг падает с моста
Сэр Хьюго спит. Душа чиста.

* НАКАТ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ *
Преображается природа
Трубят фанфары огорода
Бранятся репа без идей
и помидор-прелюбодей
Пять луковиц играют в прятки
Морковь опять пошла на блядки
Чеснок - унылый мизантроп! -
Безрадостно жует укроп
Картофель душит огурцы
Капуста плавает в Янцзы.

/В альбоме "Пятиугольник" песня называется "Вести с огорода"/

* ДРЕВНЕЯПОНСКАЯ СТРАНА *
Древнеяпонская страна
Полна извилистых идей
А вот в Габоне - тишина
Никто не видел там людей

Тефаль не думает о них
Ему сломали мозжечок
Он не успел пропеть свой стих
Попавшись смерти на крючок

Париж закутан в дортуар
Графиня мчится на разбой

Виконт ломает самовар
Тяжелой джазовой трубой

Поверив жадному орлу
Деревья гнутся поперек
Скучает барышня в углу
Ей тайны вальса невдомек

И если море хочет жить
Ему придется подождать
Пока судьбы тупая нить
Не перестанет блефовать

      В чужие сны погружены
Китайцы не хотят войны

/В альбоме "Пятиугольник" песня называется "Китайцы не Хотят"/

* ИГРА НА РЕМНЕ *
Пару-тройку стихов сочинил гондольер
О своей застарелой любви
А потом - убежал в ядовитый вольер
Ты напрасно его не зови

Восьмеричный аббат поломал портсигар
Лишь бы чудо-траву не курить
Гондольеру на смену пришел кочегар
Чтобы желтую кашу сварить

Жизнь загадочна и непробудно скучна
Если сломано горло реки
После лета всегда наступает весна
Ее руки мрачны и крепки

Кочегар, и аббат, и еще кто-нибудь
И зеленый тритон на спине
Где рассыпчатый буйвол? О нем не забудь
Когда станешь играть на ремне!

* НАКАТ ВТОРОЙ *

Искаженное мертвым огнем
Повернулось лицо к небосводу
Вдалеке расцветает природа
Между снегом и чопорным пнем

Тротуар сочиняет сонет
О беспутной руке амазонки
Ледокол не успеет за джонкой
Нагруженной десятком монет

Необычны рассудка созвучья
Если утром упасть из седла
В гости к зверю приходит метла
Только зверь все равно не получит
Ни прощения, ни утешения
Столь сурово природы решение

* СУМРАЧНЫЙ КОЛОСОВИК *

Волосы Маши Монтре скованы золотом
Береговой командир спит на боку
Сумрачный колосовик молится молоту
Но и ему не удастся развеять тоску

Снова летит домовой в погоню за небом
Ветер поет о любви и немножко о море
Если вечерний обед закусывать хлебом

То песнопенья вулкана покажутся горем

Может быть, стоит отдать поклон междометьям
Или другим частям речи. Да без сознания
Сумрачный колосовик прожил столетие
А самолет бредет дальше, в Германию...

      Прощай, прощай, прощай игра
И мне, и ему уходить пора

* ГЕОГРАФИЯ КОНЧАЕТСЯ ВЧЕРА *
Мрачный лебедь волка не тревожит
Когда тот дежурит на мосту
У раба никто отнять не может
О свободе ветхую мечту

Вдалеке дымится вернисаж
Спят изоморфические тени
Людоед рисует пейзаж
Приземлившись в Лувре, на ступенях

География кончается вчера
Академики спешат на барахолку
Ночь начнется завтра, в шесть утра
Мрачный лебедь не тревожит волка

/В альбоме "Пятиугольник" песня называется "География":

Белый лебедь волка не тревожит,
Если тот на боевом посту.
У раба никто отнfive не может
О свободе ветхую мечту

Вдалеке дымится вернисаж
Спят изоморфические тени

Людоед рисует пейзаж
Приземлившись в Лувре, на ступенях

География кончается вчера
Классики спешат на барахолку.
Ночь начнется завтра
В шесть часов утра,
Ежели никто не потревожит волка
/

* В КОНЦЕ ВЕКА *
Ланцелот уже не Ланцелот
Арлекино толще Труфальдино
Папу Карло поцарапал кот
А Мальвина съела Чипполино

Чип энд Дейл глушат самогон
Дон Кихот сражается с Незнайкой
Волк плетется к Зайцу на поклон
Золушка украла чью-то майку

Над костром расплавлен Дровосек
Вот и кончился двадцатый век...

Далее приведены тексты песен Джорджа
из альбома "Пятиугольный Грех",
не вошедшие в книгу "Крюкообразность"

* НЕ СИНХРОН *
Полина Дороти вздымает два крыла.
Она теперь в иных краях, бедняжка.

Врач вышел вон. Она вздыхала тяжко
И кузнеца дежурного звала.

А тот не приходил. Песок, зола
От чувств его остались - только пряжку
От старого ремня сидит и чистит чашкой
С изображением трехглавого орла...

Чуть позже в юности он стал совсем иным -
Не выводил из строя труб подзорных,
Не подавл руки страстям позорным
И Дороти за это был любим.

В чередование дней сокрыт СИНХРОН.
Не знающий его выходит вон.

* ПЯТИУГОЛЬНЫЙ ГРЕХ *
Необъяснимая сфера лампы.
Ее хозяин - древний грек
Хранит пятиугольный грех,
проклятье вымершей Бипампы.

* ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПТИЦА *
Электрическая птица
Из соцветья Алой Розы,
Электрическая птица,
Разрывающая воздух,
Уходящая на Запад
От канонов Восьмиречья,
Где войны тяжелый запах
Разорвал на части вечность.

Электрические птицы,
Уничтоженные в марте,
Электрические птицы,
Отраженные на карте,
Улетающие в море
В заповедники скрипенья,
Где не будет больше горя
И булавок песнопенья

* КРЕОЛ *

Храня убогое молчанье
Над сумраком гниющих вод,
н жег костры в ночи печальной
И полз бессмысленно вперед.
Его встрнчали горделиво
Арбитры брошенных дорог.
Преображались груши в сливы
И ветер выл свой монолог.

О том, что кончились спфиры
И загорелись провода,
И охлажденная вода
Бросает плащ на локоть мира.

Свою мечту бранит отшельник,
Живущий в ближнем далеке,
Он надевает старый тельник
И спит с расческою в руке,
И не торопится обратно,
И ублажает старый дом,
Где, убиенный многократно,
Поет канцону агроном.

Про ветер, про моря из глины,
Про праздничный дырявый стол,

Где твердокаменный креол
Таинственно грызет маслины.